

**Второй тур заключительного этапа
Всероссийской олимпиады школьников по обществознанию 2026 г.
9–11 КЛАСС**

**Выполните задания на основе анализа представленных материалов.
выполните задания.**

Задание 1. Понимание контекста

- 1.1. Какая избирательная система используется на выборах в национальную легислатуру Королевства Туманного Белогорья и Норнарнии?
- 1.2. Какие последствия она создает для партийной системы?
- 1.3. Как называется стратегия привлечения избирателей, которой пользуется Остап-Сулейман-Берта-Мария Свой-в-доску-он-она-они?

Задание 2. Что не так с текстами, на которых обучался ИИ?

Прочитайте тексты, использованные Долгопупсом для обучения ИИ-агента для подготовки речи.

- 2.1. Определите идеологию, которой придерживается Полумна. Обоснуйте свое решение.
- 2.2. Укажите текст, который не соответствует содержанию той идеологии, к которой апеллирует партия Полумны Аварус-Бубулы. Обоснуйте Ваш выбор, приведя не менее двух фрагментов¹ из «чуждого» Полумне текста.

Задание 3. Работа над ошибками.

- 3.1. Выпишите не менее двух не соответствующих идеологии, определенной Вами в ответе на задание 2.1., фрагментов¹ сгенерированного ИИ текста выступления. Обоснуйте свой выбор.
- 3.2. Перепишите опознанные Вами фрагменты так, чтобы вся речь стала целостным (с точки зрения определенной Вами ранее идеологии) политическим высказыванием. *Написанный Вами скорректированный текст не должен превышать объем изменяемых фрагментов.*
- 3.3. Какие проблемные вопросы (из перечисленных ранее в задании) скорее всего сыграли роль в мобилизации членов «Общества многодетных мам-предпринимательниц»?
- 3.4. Какие темы из поднятых в речи Полумны Вы бы настоятельно не рекомендовали ей в будущем поднимать на встречах с избирателями?

А. Преамбула

В Королевстве Туманного Белогорья и Норнарнии в самом разгаре кампании по выборам в национальную легислатуру. Кампания проходит в непростых условиях, связанных, с одной стороны, с разнообразными скандалами, в

¹ Не нужно переписывать весь фрагмент в бланк ответов. Выпишите три первых и три последних слова того фрагмента, который Вы хотите выделить.

**Второй тур заключительного этапа
Всероссийской олимпиады школьников по обществознанию 2026 г.
9–11 КЛАСС**

которые оказались вовлечены представители двух основных партий, что подрывает их авторитет и шансы завоевать солидное число мест, усугублением нерешаемых на протяжении длительного времени внутренних проблем, а с другой стороны, с ростом международной напряженности, что в совокупности сказывается на социально-экономическом положении Туманного Белогорья. В начале года на местных выборах «старые» партии понесли чувствительные потери, но и результаты «новых» партий оказались неубедительными, что стало еще одним проявлением растущей политической поляризации и глубокого разочарования избирателей. Поэтому и политические партии в целом, и отдельные политики стараются быть максимально заметными, поскольку ставки для всех участников белогорской политики высоки как никогда.

Пока еще действующий депутат национальной легислатуры Полумна Аварус-Бубула тоже очень хочет переизбраться, но опасается, что испытывающая разнообразные проблемы родная партия «Спасение — в ответственности и традициях», с перевесом в два места победившая на прошлых выборах и сформировавшая благодаря этому правительство, вряд ли окажет ей реальную поддержку в трудном округе. А соперник у Полумны, если верить многолюдным предвыборным выступлениям, особенно на небольших площадках, вроде шумных и обычно переполненных заведений белогорского общепита, опасный. Остап-Сулейман-Берта-Мария-Бендер-бей Свой-в-доску-он-она-они, представляющий партию «Рабочие Белогорья и Норнарнии за справедливость!», апеллирует сразу к разным группам избирателей, давая им зачастую противоположные обещания. И это при том, что в округе промышленных предприятий почти не осталось!

Для того, чтобы активно работать с избирателями, и на фоне проблем с избирательным фондом Полумна привлекла волонтеров-стажеров, в том числе для подготовки речей на встречах с избирателями, которых в период предвыборной кампании приходится проводить особенно много.

Кампания шла своим чередом, но в пятницу 13-го после обеда Полумне на почту пришло приглашение от влиятельного «Общества многодетных мам-предпринимательниц» выступить на традиционных «Пятничных чаепитиях» с речью продолжительностью до 10 минут. Хуже того, Остап-Сулейман-Берта-Мария-Бендер-бей Свой-в-доску-он-она-они уже подтвердил свое участие в импровизированных дебатах. «А времени-то остается три часа! Все пропало!» — ужаснулась Полумна и упала в обморок. Впрочем, в ее предвыборном штабе от этого крика и звука падения встрепенулся единственный не ушедший вовремя сотрудник — стажер Тремулус Долгопупс. Увидев депутата парламента на полу, он тоже упал в обморок.

Придя в себя, Полумна и Тремулус решили, что спасение на этот раз обеспечат высокие, но уже доступные технологии. Поскольку конкурент или кто-то из его шумных и обычно не очень опрятно одетых активистов наверняка обнаружит дословное использование или старых речей, или, что еще

**Второй тур заключительного этапа
Всероссийской олимпиады школьников по обществознанию 2026 г.
9–11 КЛАСС**

хуже, чужой текст, Тремулус предложил быстро обучить бесплатного ИИ-агента на корпусе оригинальных текстов. Растерянная Полумна согласилась, но попросила подготовить текст так, чтобы он отличался от привычных призывов за все (абстрактно) хорошее против всего (абстрактно) плохого, к которым избиратели благосклонны в спокойные времена.

Поразмыслив о том, что может волновать многодетных мам-предпринимательниц, не принадлежавшие к этой категории Полумна и Тремулус решили, что это наверняка широкий круг вопросов, вроде качества образования и здравоохранения, досуга несовершеннолетних, включая доступ к социальным сетям, бесчинств бродячих котов, разоривших гнезда всех певчих птиц в округе, глобального потепления, положения девочек в Истернстане, судьбы пингвинов в Гренландии, импортных тарифов американского президента Козыря против Европы, избыточного веса львов в зоопарках Франции, отказа выходцев из бывших заморских колоний Туманного Белогорья адаптироваться к правилам поведения и т. п.

Правда, Тремулус на первом курсе частенько дремал на утренних лекциях по «Политической философии Туманного Белогорья и Северной Америки» (а как не спать, если полночи в социальных сетях провел!) и был не очень хорошо знаком с оригинальными сочинениями белогорских политических теоретиков и их североамериканских братьев, довольствуясь краткими аннотациями весьма многословных и местами очень скучных сочинений. Поэтому наскоро найденные им в Интернете тексты классических произведений могли быть неполными, невычитанными, взятыми из сомнительных источников, ошибочно классифицированными (это любой хороший студент знает, что надо пользоваться проверенными источниками и сомневаться в качестве найденного на просторах Интернета). В общем, и в составление запроса, и в процесс машинного обучения вкрались искажения.

После дебатов

«Нда, нездорово», — выдохнула Полумна. «Но и не совсем ужасно» — ответил ей Тремулус. Основной соперник оказался «крепким орешком», в этот раз он был хорошо одет и взял с собой на дебаты восьмилетнего племянника, а не шумную толпу активистов. От членов «Общества многодетных мам-предпринимательниц», многие из которых пришли с детьми, было немало вопросов, а ехидных комментариев — еще больше. Ситуацию спасли готовность Полумны признать противоречия в программной речи, когда она отвечала на вопросы. Но зато Полумна Аварус-Бубула поняла, наконец, кто может быть ее надежным избирателем, а Тремулус Долгопупс определился с тем, как использовать ИИ для подготовки речей, вызывающих отклик у избирателей.

Послесловие

Полумна Аварус-Бубула сделала выводы относительно того, как нужно работать с избирателями, особенно сочувствующими и заинтересованными.

**Второй тур заключительного этапа
Всероссийской олимпиады школьников по обществознанию 2026 г.
9–11 КЛАСС**

Майские выборы она выиграла, а ее казавшийся таким грозным конкурент занял второе место, но это уже не имело никакого значения.

Б. Тексты, на которых обучался ИИ

Фрагмент 1

... Рассматривая наши свободы в свете идеи наследования, мы получаем немалые преимущества. Дух свободы, часто провоцирующий беспорядки и эксцессы, действуя как бы в присутствии канонизированных предков, умеряется благодаря глубокому уважению и благоговению. Идея свободы, полученная людьми вместе с врожденным чувством достоинства, защищает поколения от неизбежной наглости выскочек. Вот почему наша свобода — это благородная свобода. Она значительна и величественна. У нее есть родословная, своя портретная галерея предков, ей принадлежат надписи на монументах, документы, свидетельства, титулы и права. Наше почитание гражданских институтов зиждется на той же основе естественного почитания индивидуума. Все ваши софисты не могут предложить ничего лучшего для сохранения всеобщей гармонии, которая в природе и обществе возникает через взаимную борьбу противоположных сил. Вы считаете эти противоположные конфликтующие интересы недостатком вашего прежнего и сегодняшнего политического устройства, в то время как они являются спасительным препятствием для всех поспешных решений. Тщательное обдумывание выбора оказывается не только возможным, но и необходимым; происходит полное изменение предмета компромисса, что, естественно, порождает умеренность; эта умеренность защищает от воспаленного зла, жестокости, непродуманности, неумелого реформаторства и делает неосуществимыми все усилия деспотической власти. Разнообразие интересов и позиций в данном случае полезно, ибо общая свобода тем лучше защищена, чем больше различных точек зрения.

Надеюсь, Вы не подумали, будто я считаю, что право на власть дается только отличиями, полученными от рождения, именами и титулами. Нет! Перед лицом власти имеют значение только мудрость и добродетель, существующие или предполагаемые. И если эти качества есть, то о каком бы положении, условиях или профессии ни шла речь, человек, ими обладающий, имеет мандат Небес на место и честь. Горе стране, которая бездумно отвергает талант и добродетели, готовые служить ей на гражданском, военном, церковном поприщах. Горе стране, которая обрекает на мрак все, что способно придать ей блеск и славу. И горе стране, которая бросается в другую крайность, считая, что для управления достаточно низкого образования, узости взглядов и привычки к ручному труду. Все поприща должны быть открыты для всех людей, но выбор необходим. Невозможно управлять государством по очереди или по случаю. Каждый человек должен заниматься работой, которую он знает. Я не колеблясь могу сказать, что путь от неизвестности к уважению и власти не

**Второй тур заключительного этапа
Всероссийской олимпиады школьников по обществознанию 2026 г.
9–11 КЛАСС**

должен быть слишком легким. Редкие достоинства редко встречаются, и необходимо, чтобы они прошли испытания. Замок чести лучше всего строить на возвышенности. Что касается добродетели, то позвольте Вам напомнить, что она всегда проверяется в трудностях и постоянстве.

... Правительство создается не для защиты естественных прав человека, которые могут существовать и существуют независимо от него, сохраняя свое в высшей степени абстрактное совершенство; но это абстрактное совершенство — их практический недостаток. Имея право на все, люди хотят получить все. Государство — это мудрое изобретение человечества, предназначенное для обеспечения человеческих желаний. Люди имеют право на то, чтобы эта мудрость была направлена на удовлетворение их потребностей. Но государство требует, чтобы они сдерживали свои страсти и желания. Общество требует не только ограничения потребностей индивидуумов, но чтобы и в массе посягательства людей пресекались, их воля управлялась, а страсти сдерживались. Все это возможно только при наличии Власти, стоящей вне их, которая при выполнении своих функций не будет подвержена тем же страстям и желаниям, которые сама обязана подавлять и подчинять. В этом смысле ограничение так же, как свобода, должно быть включено в число прав человека. Но поскольку представления о свободе и ограничениях меняются в зависимости от времени и обстоятельств, возможно бесконечное количество модификаций, которые нельзя подчинить постоянному закону, то нет ничего более бессмысленного, чем обсуждение этого предмета.

Как только вы что-то исключаете из полноты прав человека, как только в них привносятся искусственные ограничения, тотчас государственное устройство, конституция государства и разделение властей становятся делом сложного и тонкого искусства. Оно требует глубокого знания человеческой природы и человеческих потребностей. Государство нуждается в укреплении своих сил и в лекарстве от своих болезней. Ни того, ни другого не дает дискуссия о правах человека. Какая в ней польза, если она не обеспечивает человека ни пищей, ни медицинской помощью? Проблема состоит в том, как их получить и как ими распорядиться. В таких случаях я всегда советую обращаться к услугам фермера или врача, а не профессора-метафизика.

Наука о государстве, его обновлении или реформировании ничем не отличается от любой экспериментальной науки, ей нельзя научиться *a priori*. И познается она не за один день. То, что вначале казалось никуда не годным, через длительное время может дать великолепные плоды. И напротив, прекрасный план, удачно начатый, может привести к плачевным и постыдным результатам. В государстве действуют множество темных и скрытых сил, и те из них, что на первый взгляд не заслуживают внимания, могут стать причиной будущего несчастья или, напротив, благополучия. Наука управления, предназначенная для достижения практических целей, требует от человека опыта, для которого подчас мало целой жизни, и он должен с величайшей осторожностью

**Второй тур заключительного этапа
Всероссийской олимпиады школьников по обществознанию 2026 г.
9–11 КЛАСС**

приступать к работам по сносу общественного здания, которое в течение веков отвечало своему назначению, и с еще большей осторожностью — к возведению нового, особенно когда перед нами нет модели, доказавшей свою полезность. Теоретические права человека входят в обыденную жизнь подобно световому лучу, проходящему сквозь плотную среду по прямой и по законам природы отражающемуся под углом. Действительно, в огромной массе страстей и интересов права человека претерпевают такое разнообразие преломлений и отражений, что теоретические споры о них становятся абсурдом. Человеческая природа сложна и запутанна, общественные интересы тоже сложны чрезвычайно, и, значит, нет такого политического направления, нет такой власти, которая устраивала бы каждого. Когда я слышу о простоте плана, целью которого является новое политическое устройство, я не могу отделаться от мысли, что его изобретатели не знают своего ремесла или пренебрегают долгом. Идея простого политического устройства изначально порочна, чтобы не сказать больше.

Права, о которых толкуют теоретики, — это крайность; в той мере, в какой они метафизически правильны, они фальшивы с точки зрения политики и морали. Права людей в государстве — это преимущества, к которым они стремятся. Но эти преимущества всегда колеблются между добром и злом, иногда их можно найти в компромиссе того и другого. Политический разум действует по принципу расчета: он складывает, вычитает, умножает и делит не метафизические, а реальные нравственные наименования. Ваши теоретики всегда софистически смешивают права людей с их возможностями, и пока возможности и права — одно и то же, они вместе несовместимы с добродетелью, и с первой из добродетелей — благоразумием. Люди не имеют права на то, что не благоразумно и не является для них благом. Эти профессора, поняв, что их крайние принципы и политические схемы нельзя применить к состоянию мира, в котором они живут, часто легко отказываются от них ради тривиальной выгоды. Но есть среди них люди более стойкие, их трудно соблазнить отказаться от своих излюбленных проектов, и они постоянно стремятся к изменениям государственного устройства или церкви, а подчас и того и другого. Они придают своим рассудочным проектам огромную ценность, и, не уважая современное государственное устройство, равнодушно относятся к возможности его совершенствования. Они не видят вреда в порочном управлении делами общества, напротив, они считают, что эти пороки создают благоприятные условия для революции. Достоинства и недостатки людей, их поступки и политические принципы рассматриваются ими лишь с одной точки зрения — насколько они способствуют или препятствуют их планам всеобщих перемен. Поэтому в одно время они поддерживают привилегии сильных, в другое — самые безумные демократические идеи свободы и переходят от одного к другому, не считаясь ни с чем, кроме своих интересов...

**Второй тур заключительного этапа
Всероссийской олимпиады школьников по обществознанию 2026 г.
9–11 КЛАСС**

Предрассудки полезны, в них сконцентрированы вечные истины и добро, они помогают колеблющемуся принять решение, делают человеческие добродетели привычкой, а не рядом не связанных между собой поступков. В этом вопросе мы расходимся с вашими литераторами и политиками. Они не уважают мудрость других, но компенсируют это безграничным доверием к собственному уму. Для разрушения старого порядка вещей они считают достаточным основанием то, что этот порядок старый. Что касается нового порядка, то их не беспокоят опасения за прочность наспех построенного здания, потому что прочность и постоянство не волнуют тех, кто считает, что до них было сделано очень мало или вовсе ничего. Они систематически убеждают, что все, что постоянно, — плохо, и поэтому ведут беспощадную войну с государственными устоями. Они полагают, что форму правления можно менять, как модное платье. Что любой государственный строй заинтересован в сиюминутной выгоде и не нуждается в устоях. Они ведут себя так, как будто договор, заключенный между ними и властями действителен только для последних, а не содержит взаимных обязательств, и его величество народ имеет право разорвать его без каких-либо видимых причин, кроме собственной воли.

Даже их любовь к родной стране зависит от того, как она относится к их поверхностным и краткосрочным проектам; эта любовь определяется схемой государственного устройства страны.

Общество — это действительно договор, но договор высшего порядка. Его нельзя рассматривать как коммерческое соглашение о продаже перца, кофе и табака или любой подобный контракт, заключенный из практической выгоды или для осуществления незначительных, преходящих интересов, который может быть расторгнут по капризу одной из сторон. Государство требует уважения, потому что это — объединение, целью которого не является удовлетворение животных потребностей или решение ничтожных и скоротечных задач. Это общество, в котором должны развиваться все науки и искусства, все добродетели и совершенства. Такая цель может быть достигнута только многими сменявшими друг друга поколениями — поэтому общественный договор заключается не только между ныне живущими, но между нынешним, прошлым и будущим поколениями. Более того, договор каждого отдельного государства — это всего лишь статья в изначальном договоре вечного сообщества, составленном как единая цепь из разных колец, соединяющая видимый и невидимый миры; этот высший закон не является субъектом воли тех, кто несет перед ним ответственность и связан договором, подчиняющим их волю общему закону.

Государства не вправе разрушать это всемирное, Богу подчиняющееся сообщество и, руководствуясь стремлением к свободе, рвать установленные связи, превращая мир в асоциальный, антигражданский хаос, в котором перемешаны все основополагающие принципы. Только высшая необходимость, необходимость, которая не выбирается, а направляется, которая не допускает

**Второй тур заключительного этапа
Всероссийской олимпиады школьников по обществознанию 2026 г.
9–11 КЛАСС**

обсуждений и не требует доказательств, только одна эта необходимость может оправдать обращение к анархии. При этом она не является исключением из правил, потому что сама представляет собой часть того нравственного и физического порядка вещей, которому человек должен подчиняться по доброй воле или насильно. Но как только эта необходимость станет объектом выбора, закон окажется нарушенным, природа выйдет из подчинения, разразится беззаконный бунт, и люди из мира разума, порядка, спокойствия и добродетели будут изгнаны в антагонистический мир безумия, порока, разлада и бессмысленного горя.

Мы не вынесли нравственных уроков из истории. Напротив, ее использовали, чтобы смутить наши умы и расстроить наше счастье. История открывает нам свою книгу, которая должна сделать нас мудрее, которая предлагает нам избегать несправедливости и прежних ошибок, совершенных человечеством. Но если ее извращать и использовать как склад оружия, как средство, воскрешающее распри и злобу, то она становится горючим, которое подбрасывают в огонь гражданской нетерпимости. В большей своей части история рассказывает о несчастьях, которые принесли в мир гордость, честолюбие, скупость, мстительность, похоть, соблазн, лицемерие, неуправляемые страсти. Эти пороки являются причинами всех бурь. Религия, мораль, законы, привилегии, свободы, права человека — это предлоги. Когда есть такие предлоги, то обычно действующими лицами и носителями зла в государстве оказываются короли, пасторы, магистраты, сенаты, национальные ассамблеи, судьи, военные. Вы не вылечите болезнь, решив, что больше не должно быть монархов, государственных министров, проповедников, правоведов, офицеров и консулов. Вы можете изменить названия — вещи в основе своей останутся теми же. Определенное количество власти всегда должно существовать в обществе, находиться в чьих-то руках и носить свое название.

Ваши лидеры рассматривают все только с одной точки зрения — со стороны пороков и ошибок, при этом и то и другое сильно преувеличивают. Хотя это может показаться парадоксальным, но правда, что те, кто обычно занимаются поиском и выявлением ошибок, не способны к реформаторству, ибо их ум направлен не на добро и справедливость и не привык находить в них удовольствия. Но слишком сильно ненавидя пороки, они слишком мало любят людей. И следовательно нет ничего удивительного в том, что они не расположены и не способны служить им. Отсюда и проистекает стремление ваших лидеров все разбить вдребезги.

Фрагмент 2

Вопрос имеет две стороны: во-первых, право, принадлежащее парламенту по положению, и, во-вторых, право, которое он сам себе присвоил. Первое право не вызывает возражений. Что же касается второго, то вот мой ответ.

**Второй тур заключительного этапа
Всероссийской олимпиады школьников по обществознанию 2026 г.
9–11 КЛАСС**

Никогда ни в какой стране не было и не может быть такого парламента, или такой организации людей, или такого поколения людей, которые имели бы право или власть налагать на потомство обязательства и сохранять над ним свою власть «до скончания времен», или предписывать на все времена, каким образом должен управляться мир, или решать, кто должен управлять им; поэтому все подобного рода статьи, акты и декларации, посредством которых их авторы надеются достичь того, на что они не имеют ни права ни власти, того, что они даже бессильны осуществить, — все эти документы не имеют законной силы. Каждая эпоха и каждое поколение должны иметь такое же право решать свою судьбу во всех случаях, как и предшествовавшие эпохи и поколения. Тщеславное притязание на то, чтобы управлять и за гробом, — самая смешная и дерзкая из всех форм тирании. Человек не имеет права собственности на другого человека; подобным образом ни одно поколение не имеет права собственности на последующие поколения. Парламент и народ в 1688 г. или в какой бы то ни было другой период времени также не имели прав распоряжаться нашими современниками, обязывать или ограничивать их в какой бы то ни было форме, как парламент и народ в наши дни не имеют права распоряжаться теми, кто будет жить через сто или тысячу лет, не имеют права обязывать или ограничивать их в чем бы то ни было. Каждое поколение полномерно и должно быть полномочным в решении всех вопросов, касающихся его самого. Всегда следует заботиться о живых, а не о мертвых. Когда человек умирает, его власть и его желания умирают вместе с ним; он уже не участвует в делах этого мира и потому не имеет власти предписывать, кто должен им управлять, как должно быть организовано управление и как оно будет осуществляться.

Я не выступаю ни за, ни против той или иной формы правления той или иной партии — ни в нашей, ни в какой бы то ни было другой стране. Если вся нация решает что-либо сделать, она имеет право сделать это... Но где же, в таком случае, право? Я отстаиваю право живых и выступаю против того, чтобы ими распоряжались по завещанию, ограничивали их или предписывали им что-либо в силу зафиксированной на бумаге власти мертвых. В былые времена короли распоряжались своей короной на смертном одре и передавали свой народ по завещанию, как скот, любому назначенному ими преемнику. Теперь этот обычай настолько устарел, что о нем мало кто помнит, и представляется настолько чудовищным, что трудно поверить, чтобы он существовал; однако статьи парламентских актов... ничем по существу не отличаются от этого обычая.

Законы каждой страны должны соответствовать какому-то единому общему принципу. В Англии ни родители, ни хозяева, ни весь авторитет парламента, именующего себя всемогущим, не могут связать или ограничить лич-

**Второй тур заключительного этапа
Всероссийской олимпиады школьников по обществознанию 2026 г.
9–11 КЛАСС**

ную свободу даже отдельного человека, достигшего 21 года; на каком же основании или по какому праву парламент 1688 г. или какой бы то ни было другой может обязать к чему-либо все последующие поколения на все времена?

Те, которые уже ушли из мира, и те, которые еще не пришли в него, настолько далеки друг от друга, насколько вообще в силах представить себе воображение смертного: какие же обязательства могут быть приняты, какие правила или принципы, подлежащие соблюдению до скончания времен, могут быть установлены между двумя фикциями, которые никогда не встретятся в этом мире, — между людьми, которых уже нет, и людьми, которых еще нет?

Говорят, в Англии нельзя брать у народа деньги без его согласия; но кто уполномочил, кто мог уполномочить парламент 1688 г. на то, чтобы ограничить и отнять свободу у последующих поколений и навсегда ограничить их право на свободу действий в определенных обстоятельствах? Ведь этих поколений еще не существовало, так что они не имели возможности дать или не дать свое согласие на это.

Невозможно представить себе больший абсурд, чем то, что преподносит своим читателям этот господин. Он говорит им и всему будущему миру, что некая группа людей, существовавшая сто лет тому назад, издала закон и что нет, не будет и не может быть силы, властной изменить этот закон. Сколько хитроумных — или абсурдных — аргументов было уже изобретено, чтобы обманом навязать легковерному человеческому роду идущую (якобы) от бога власть!

На чем основывается и из чего исходит этот господин, доказывая, что какая-то человеческая власть может обязывать к чему-либо потомство на все времена? Он представил свои статьи; но он должен также представить доказательства того, что такое право существовало, и показать, каким образом оно существовало. Если оно когда-либо существовало, то должно существовать и сейчас; ибо то, что свойственно человеческой природе, не может быть уничтожено человеком. Например, человеческой природе свойственна смерть, и люди будут умирать до тех пор, пока они не перестанут рождаться. Но этот господин выдвигает некоего политического Адама, которым связывается навеки все потомство; поэтому он должен доказать, что его Адам имел соответствующую власть и соответствующие права.

Не требуется долгих размышлений, чтобы понять, что хотя нередко законы, изданные при одном поколении, остаются в силе на протяжении последующих поколений, основанием для этого является согласие живых. Неотменный закон остается в силе не потому, что он не может быть отменен, но потому, что он не отменен: не-отмена считается за согласие.

Но статьи, приведенные эти господином, не имеют на своей стороне даже этого обстоятельства. Претендуя на бессмертие, они превращаются в ничто. Самый характер их исключает возможность согласия. Они разрушают право, которое могли бы иметь, тем, что основывают его на праве, которого

**Второй тур заключительного этапа
Всероссийской олимпиады школьников по обществознанию 2026 г.
9–11 КЛАСС**

иметь не могут. Бессмертная власть не входит в права человека, и потому она не может быть правом парламента.

Парламент 1688 г. мог бы с таким же успехом принять закон, уполномочивающий его (членов) на вечную жизнь, как и (закон), дающий вечную жизнь его власти. Вот почему об этих статьях можно сказать лишь одно: это просто формальные выражения, имеющие не большее значение, чем если бы те, кто их употребляет, приветствовали друг друга в старинном восточном стиле: «О, парламент, здравствуй вечно!»

Все в мире непрестанно изменяется, изменяются и мнения людей; и поскольку правительство существует для живых, а не для мертвых, только живые имеют в нем какие бы то ни было права. То, что считалось правильным и уместным в одну эпоху, может быть сочтено неправильным и неуместным в другую. Кому же принадлежит решающее слово в таких случаях — живым или мертвым?

Очевидно, однако, что если самые статьи, устанавливающие присвоенную, узурпированную власть на все времена над последующими поколениями, являются необоснованными и по самой своей природе не имеют законной силы, то и все пространные ссылки на эти статьи, все красноречивые рассуждения, построенные на них, также не имеют законной силы. Посему я оставляю эту тему.

Ошибка тех, кто в своих рассуждениях о правах человека ссылается на примеры из древности, состоит в том, что они недостаточно далеко уходят в глубину древности. Они не доходят до конца пути. Они останавливаются где-то на промежуточных стадиях, за сто или тысячу лет до нашего времени, и то, что делалось тогда, объявляют законом для современности. Но ведь это отнюдь не авторитет.

Углубившись в древность еще дальше, мы обнаружим преобладание прямо противоположных мнений и обычаев, и если, уж считаться с авторитетом древности, то можно привести тысячи таких авторитетов, последовательно противоречащих друг другу. Но если мы станем продолжать, то придем под конец к своей цели: к тому времени, когда человек вышел из рук творца. Чем он был тогда? — Человеком. Человек — таков был его высокий и единственный титул, и более высокого ему нельзя присвоить. Но о титулах я скажу ниже.

Стало быть, мы пришли к происхождению человека и его прав. Что же до форм управления людьми с тех пор и по сие время, то они могут занимать нас лишь постольку, поскольку мы имеем возможность учиться на ошибках или усовершенствованиях в этой области, с которыми знакомит нас история. Те, кто жил сто или тысячу лет назад, были тогда столь же современными людьми, как мы для нашей эпохи. Они имели своих древних, а те, опять-таки, своих, и мы в свою очередь станем древними.

**Второй тур заключительного этапа
Всероссийской олимпиады школьников по обществознанию 2026 г.
9–11 КЛАСС**

Если все дело в древности, то те, кто будет жить через сто или тысячу лет после нас, вполне могут взять нас за образец, подобно тому, как мы сейчас берем за образец живших сто или тысячу лет назад.

Ведь ссылка на древность, доказывая все, что угодно, ровно ничего не объясняет. Это непрерывное столкновение авторитета с авторитетом, пока мы не дойдем до божественного происхождения прав человека при его сотворении. Здесь наступает конец нашим исследованиям, и разум наш обретает прибежище.

Если бы спор о правах человека возник через сто лет после его сотворения, спорящим точно так же пришлось бы обратиться к этому источнику, т. е. к тому же самому авторитету, к которому надлежит обратиться сейчас нам.

Не имея намерения затрагивать религиозные убеждения какой-либо секты, я все же считаю нужным заметить, что генеалогия Христа восходит к Адаму. Почему бы в таком случае не возводить права человека ко дням сотворения человека? Я отвечу на этот вопрос: потому что между тем и другим вторглись правительства — узурпаторы, замыслившие погубить человека.

Всякая наследственная власть есть по природе своей тирания. Наследственную корону, наследственный престол, или каким бы другим выдуманным именем ни назывались эти вещи, можно понимать лишь в том смысле, что люди являются наследственным имуществом. Наследовать власть — значит наследовать народ, словно стадо овец и коров.

Если какое-либо поколение людей вообще обладало правом диктовать образ правления, коего следовало бы извечно придерживаться миру, то это было первое из существующих поколений; если же оно этого не сделало, то ни одно из последующих поколений не может ни проявить такого авторитета, ни создать его.

Просвещенный и божественный принцип равенства прав человека (ибо своим происхождением он обязан Творцу) приложим не только к живущим ныне, но и к сменяющим друг друга людским поколениям. Каждое поколение равно в правах с предшествовавшим ему, подобно тому, как каждый человек рождается равным своим современникам.

Все истории сотворения мира, все традиционные повествования как просвещенного мира, так и не просвещенного, сколь бы ни расходились они во взглядах или в понимании известных частных фактов, сходятся в одном: все устанавливают единство человека; я хочу сказать этим, что все люди по роду своему едины и, стало быть, все они рождаются равными и имеют равные естественные права, — как если бы потомство обеспечивалось сотворением вместо размножения, ибо последнее есть лишь способ осуществления первого. Стало быть, каждого новорожденного должно считать ведущим свое существование от бога. Мир для него так же нов, как и для первого существовавшего человека, и его естественное право в этом мире — то же самое.

**Второй тур заключительного этапа
Всероссийской олимпиады школьников по обществознанию 2026 г.
9–11 КЛАСС**

...Следует отметить также, что все известные религии в той части, в какой они касаются человека, основаны на единстве людей как единых по роду своему. На небе, в аду или где бы предположительно ни существовал человек впоследствии, различают лишь между хорошим и дурным. Мало того, даже созданные правительствами законы вынуждены склоняться к этому принципу, проводя различие между преступлениями, а не между лицами.

Это одна из величайших истин, а также и одно из главнейших преимуществ, которые надлежит оберегать. Рассматривая человека под этим углом зрения и приучая его подобным же образом смотреть на себя, она устанавливает все его неотъемлемые обязанности, будь то по отношению к своему творцу или к творению, частицей коего он является; лишь забывая о своем происхождении, или, употребляя более изысканное выражение, — о своем рождении и семье, он сбивается с пути.

Долг человека — это вовсе не чаща застав, сквозь которую ему придется пробираться, предъявляя всякий раз пропуск. Он прост, ясен и состоит всего из двух пунктов: его долг перед богом, который должен чувствовать каждый, и перед своим ближним, с которым он должен обращаться так, как ему хотелось бы, чтобы обращались с ним...

До сих пор мы касались только, да и то отчасти, естественных прав человека. Сейчас нам предстоит рассмотреть гражданские права человека и показать, как одни вытекают из других. Человек вступил в общество не затем, чтобы стать хуже, чем он был до этого, или иметь меньше прав, чем прежде, а затем, чтобы лучше обеспечить эти права. В основе всех его гражданских прав лежат права естественные. Но чтобы точнее провести это различие, необходимо указать на отличительные особенности естественных и гражданских прав.

Разницу между ними можно объяснить в нескольких словах. Естественные права суть те, которые принадлежат человеку по праву его существования. Сюда относятся все интеллектуальные права, или права духа, а равно и право личности добиваться своего благоденствия и счастья, поскольку это не ущемляет естественных прав других. Гражданские права суть те, что принадлежат человеку как члену общества.

В основу каждого гражданского права положено право естественное, существующее в индивидуе, однако воспользоваться этим правом не всегда в его личных силах. Сюда относятся все права, касающиеся безопасности и защиты.

На основании настоящего краткого обзора будет легко провести различие между классом естественных прав, которые человек сохраняет после вступления в общество, и теми, которые он передает в общий фонд как член общества.

Сохраняемые им естественные права суть все те, способность осуществления которых столь же совершенна в отдельном человеке, как и само право.

**Второй тур заключительного этапа
Всероссийской олимпиады школьников по обществознанию 2026 г.
9–11 КЛАСС**

К этому классу, как упоминалось выше, принадлежат все интеллектуальные права, или права духа; стало быть, к ним относится и религия.

Несохраняемые естественные права суть все те, осуществление которых не вполне во власти человека, хотя само право присуще ему от природы. Он просто не может ими воспользоваться. Человек, например, наделен от природы правом быть судьей в собственном деле; и поскольку речь идет о праве духа, он им никогда не поступает; но что ему за польза судить, если у него нет силы исправлять? По этой причине он отдает свое право обществу, частью которого он является, и отдает силе общества предпочтение перед своей собственной силой. Общество ничего не дарит ему. Каждый человек — собственник в своем обществе и по праву пользуется его капиталом...

Фрагмент 3

Если патриотические лидеры 1776 года не были пламенными радикалами, когда подписывали Декларацию независимости, то делегаты, в 1787 году создавшие Конституцию, были столпами порядка. Чтобы понимать ту Конституцию, необходимо кое-что хорошо знать об умах и нравах пятидесяти пяти политиков, собравшихся в Филадельфии «образовать более совершенный Союз».

Раз за разом наталкиваешься на упоминания «философии Творцов Конституции». Несомненно, в их числе были любители мудрости, хотя делегаты Конституционного конвента являлись кем угодно, только не абстрактными метафизиками... Приписать Творцам какую-то специфическую «философию» не получится. Только за двумя или тремя исключениями они были христианами того или иного исповедания: то есть сознательно или бессознательно они черпали свои основополагающие допущения относительно человеческой ситуации из Библии и (многие из них)...

Эти Творцы 1787 года не были склонны к радикальным переменам в морали и нравах ... На протяжении четырех месяцев Конвента не было произнесено ни слова о Десяти заповедях, и в принятых семи статьях о религии вообще ничего не было сказано, кроме того, что при занятии федеральной должности не применяется никакой религиозный критерий. Это не означает, что делегаты собирались учредить некую гражданскую религию как альтернативу иудаизму и христианству; просто их конституция должна была стать практическим инструментом управления, а не трактатом по политико-религиозным догматам. Что касается «действующих правил социального поведения» — что ж, эти пятьдесят пять джентльменов-политиков сами являлись арбитрами поведения, если не морали своего поколения. Не будучи якобинцами, они, как и весь их класс, не вынашивали никакой идеи об отмене унаследованных нравов и манер.

Нет, Творцы не были абстрактными метафизиками. Именно самый теоретически подкованный из них человек, д-р Франклин, предложил начинать

**Второй тур заключительного этапа
Всероссийской олимпиады школьников по обществознанию 2026 г.
9–11 КЛАСС**

ключевые заседания с молитвы. Имена Дидро, Гельвеция, Вольтера, Руссо в Конвенте не звучали. Из политических философов неоднократно упоминался только Монтескьё и в основном за его похвалу старой английской Конституции.

Иногда Конституция Соединенных Штатов преподносится так, словно от начала до конца она была создана в одночасье, горячим воображением Творцов. Это представление далеко от истины. Иногда о самих Творцах говорят с таким же благоговением, как о еврейских пророках или мифических основателях греческих городов. Но на самом деле Конституция была плодом столетий практического политического опыта по обоим берегам Атлантики, а не порождением оригинальной новоиспеченной хитроумной теории. Поистине Конституция есть ряд компромиссов между интересами, хотя этим далеко не ограничивается. Любой приемлемый порядок в политике с необходимостью подразумевает компромиссы между интересами и классами: принципиальной заслугой Творцов была их готовность признать этот неизбежный факт.

Политики, создавшие Конституцию, не были элитой теоретиков, но собранием губернаторов в старом значении слова *губернатор*. Они были представителями класса, в каждой бывшей колонии, который находился при власти почти с первых лет британского поселения в Северной Америке; это были выходцы из естественной аристократии. Опыт, образование и богатство, передававшиеся из поколения в поколение американцев, способствовали укреплению преэминентности публичного влияния в передовых семьях, тогда как относительно широкие избирательные права, существовавшие в большинстве колоний, придавали провинциальному и местному управлению демократический склад...

Форму этой американской естественной аристократии придало длительное участие в провинциальных и местных общественных делах, тогда как французские революционеры большей частью были людьми, ранее исключенными из любого эффективного применения власти и потому наивными в великих вопросах публичной политики. Американцы были людьми политического опыта; французы — людьми политической теории, причем теории непроверенной. Французские революционеры отвергли историческое и политическое наследие своей страны, тогда как американцы заявили, что их революция была борьбой за сохранение их британского наследия. Представители естественной аристократии Америки или их большинство считали себя реставраторами того, что было утрачено, — а не противниками прошлого.

Давайте присмотримся к этой породе людей. Каждый делегат Конституционного конвента по праву мог претендовать на принадлежность к американской естественной аристократии. Джон Адамс в переписке с Джоном Тэйлором из Каролины определил аристократа как любого человека, который мог распоряжаться двумя или более голосами — собственным и по меньшей мере

**Второй тур заключительного этапа
Всероссийской олимпиады школьников по обществознанию 2026 г.
9–11 КЛАСС**

еще одного лица. Однако я под фразой «естественная аристократия» понимаю нечто более вразумительное и требующее большего, чем простой тест Адамса. От Мэна до Джорджии, особенно вдоль Атлантического побережья, процветал способ воспитания, образования и участия в публичных делах, который породил то, что можно назвать естественной аристократией. Многие из представителей этой когорты были людьми, добившимися влияния прежде всего за счет собственных талантов: таких можно назвать «людьми реальной добродетели». Другими представителями этой естественной аристократии были люди предположительной добродетели — от рождения наделенные щедротами жизни, наследники старинных семей и огромных землевладений...

Через четыре десятилетия после Великого конвента Фенимор Купер поддержал предпосылки, на которые опиралась концепция джентльмена. «Слово „джентльмен" имеет позитивное и ограниченное значение, — писал Купер в «Американском демократе». — Оно означает того, кто выделяется из массы общества благодаря своему рождению, манерам, знаниям, характеру и социальному положению...». Пятьдесят пять таких выделяющихся в том или ином отношении людей составили корпус делегатов 1787 года: политиков-джентльменов.

Чарльз О. Бирд позже разворошил голубятню самодовольного американизма, указав, что Творцы, почти без исключения, были собственниками, стремившимися приумножить свою собственность. Меня удивляет, что кое-кого ошарашило такое откровение: собственность и власть навек обвенчаны, и, если одна переходит в другие руки, за ней последует и другая. Именно семейная собственность — прежде всего земельная — обеспечила значительному числу Творцов их первоначальные преимущества в жизни: частная собственность, о чем знали все в Колониях, позволяет действовать независимо. К этому следует добавить, что за немногими исключениями, например Джеймса Уилсона, Творцы не были печально известны своей алчностью: это неумное стремление к земным благам, этот демократический материализм, обличенный Токвилем в 1830-х годах, не вошел в такую силу в 1787 году, как впоследствии... В 1787 году, хотя многими из Творцов двигали оптимистические предположения и большие экономические ожидания, их нельзя было считать эксплуататорами малоимущих: они не были похожи на немилосердных французов Директории десять лет спустя, которые обогащались за счет государственной казны, и также отличались от команды британских политиков, охарактеризованных Стэнли Болдуином как «жесткие люди, выглядящие так, словно они хорошо подзаработали на войне».

Некоторые из самых влиятельных Творцов «родились в достойном месте» — каком-то огромном семейном особняке или поместье; научились «уважать себя», имели «досуг, чтобы читать, размышлять, беседовать». Эти джентльмены одновременно были людьми и предположительной, и реальной добродетели. Взгляните на Джона Дикинсона, наследника собственности в

**Второй тур заключительного этапа
Всероссийской олимпиады школьников по обществознанию 2026 г.
9–11 КЛАСС**

шесть квадратных миль в Мэриленде; Джорджа Мейсона из Ганстон-холла, одного из крупнейших плантаторов северной Вирджинии...; и конечно, Джорджа Вашингтона.

Что касается «научиться в армии командовать и подчиняться» или «презирать опасность, следуя чести и долгу», то значительная часть Творцов находилась под ружьем во время войны за Независимость, обеспечивая ту «незатратную национальную оборону», тот воинский долг джентльменов, укорененный в рыцарской традиции. Александр Гамильтон, Чарльз Коутсворт Пинкни и некоторые другие командовали полками; некоторые Творцы имели еще более высокие звания, и в Конвенте председательствовал джентльмен, который был главнокомандующим.

Можно сказать, в Конвенте преобладали проводники закона и справедливости, потому что более половины Творцов были адвокатами или судьями; самым знаменитым был Джордж Уайт из Вильямсбурга. Все прочли Блэкстоуна (тори, кстати) и более ранние источники права. Руфус Кинг и Гвернер Моррис, чрезвычайно успешные адвокаты, были, возможно, самыми консервативными из Творцов. Джеймс Уилсон напишет первую американскую работу по юриспруденции.

Люди «высокой науки и свободного или искреннего искусства» также были представлены в Конвенте; самым известным среди них был Бенджамин Франклин. Многие из Творцов в то или иное время преподавали. Джеймс Мэдисон, кажется, был самым эрудированным из делегатов, но многие из них с пользой учились в американских колледжах, в Оксфорде или Кембридже, в шотландских и ирландских университетах. Некоторые — в частности Гамильтон — писали великолепную прозу, а риторика, «искусство убеждения, прекрасное и справедливое», была дисциплиной, которой большинство из них владели мастерски. Форму Конституции в основном придал ум Мэдисона, который также чаще остальных делегатов цитировал великих авторов. Он был в большей степени теоретиком, чем остальные Творцы, но в то же время Мэдисон, подобно Дэвиду Юму, в целом был эмпириком.

«Богатые дельцы», обладающие «добродетелями усердия, порядочности, постоянства и регулярности», составляли заметную долю в Конвенте — от Роберта Морриса, финансиста Революции, до Элбриджа Герри, из марблхедской «тресковой аристократии». Своими манерами, образованностью или одеждой коммерсанты в Конвенте практически не отличались от землевладельцев.

Таким образом, прослойка естественной аристократии существовала также в Соединенных Штатах; из этой естественной аристократии происходил каждый делегат Великого конвента. В некоторой степени Конвент разделился на фракции, секционные и экономические; сторонникам сильного общего правительства и сторонникам прав штатов было о чем дискутировать, хотя вежливый стиль дебатов и разумное принятие компромиссов отличает Великий

**Второй тур заключительного этапа
Всероссийской олимпиады школьников по обществознанию 2026 г.
9–11 КЛАСС**

конвент почти от всех других попыток, древних и современных, заключить политический договор. В эпоху дуэлей ни один делегат в Филадельфии не вызвал другого. Благополучно преобладали формальные манеры; джентльмены крайне вежливо разговаривали с джентльменами; в процедурах нельзя было усмотреть видимых признаков классового соперничества; четыре месяца дискуссии прошли так, словно за взаимовыгодное предприятие взялись воспитанные в общей культуре друзья, которые хорошо друг друга понимали и в дружеской обстановке оговаривали детали своего предприятия. Фактически к этому в значительной мере и сводился Конвент. Несмотря на то что до начала «потопа», Французской революции, оставалось всего два года, в Соединенных Штатах люди предположительной добродетели и люди реальной добродетели не поссорились: ради безопасности и доброго порядка они согласовали власть центрального правительства, но поставили ей пределы, тем самым добившись высочайшего результата в истории политики — поддержания здоровой напряженности между требованиями власти и требованиями свободы.

Дух религии и дух джентльмена обеспечил европейские манеры и цивилизованность. Какой была религия американской естественной аристократии, создавшей Конституцию? Можно назвать ее религией джентльмена...

Таковыми были общие черты пятидесяти пяти Творцов, которые, учитывая все обстоятельства, замечательно поладили друг с другом. Несмотря на их разногласия по поводу того или иного резонного вопроса, Творцы практически составили клуб джентльменов, объединившихся ради упрочения общественного порядка. Остается поинтересоваться, как эта естественная аристократия Конвента формировалась и почему она столь разительно отличалась от круга победоносных революционеров, которые вскоре захватят власть во Франции, и какие средства позволили этим Творцам создать Конституцию, продержавшуюся два столетия, в течение которых эра почти всех других национальных конституций закатилась.

...Другой причиной способности делегатов выработать политический консенсус была их причастность к унаследованной книжной культуре. Американское школьное образование второй половины XVIII века помогло развить у этой естественной аристократии высокую социальную ответственность. Они получили образование английских джентльменов своей эпохи, специально разработанное, чтобы воспитать подрастающее поколение в благочестии и мужественности.

От большинства Творцов двадцатью или тридцатью годами ранее требовалось изучение некоторых бессмертных книг, предназначенных для развития в человеке и сообществе чувства порядка. Из древних они изучали Цицерона, Плутарха и особенно Вергилия. Они заучивали наизусть хвалебные речи Цицерона по поводу римских *mores*, высшей древнеримской добродетели; их воображение воодушевлялось жизнями героев Плутарха.

**Второй тур заключительного этапа
Всероссийской олимпиады школьников по обществознанию 2026 г.
9–11 КЛАСС**

Обучение классической истории и гуманитарным наукам не обязательно прививало подрастающему поколению уважение к мудрости предков своего народа: на французских якобинцев классическое образование не оказало благотворного воздействия. Однако в Америке классические модели были приведены в соответствие и дополнены знаниями британской политической истории и богатейшей английской литературы. Образованный американец осознавал свое участие в долгой преемственности и сущности культуры, даже обитая на западной окраине этой цивилизации; в отличие от французского фантазера, образованный американец не предполагал составить новый календарь, в котором год первый зафиксировал бы его собственный приход к власти.

Третьим фактором, сделавшим из Конституционного конвента встречу друзей, а не собрание политических фанатиков, было понятие джентльмена.

Надо полагать, каждый из Творцов считал себя джентльменом и желал считаться таковым. Аристократизм (*gentility*) в XVIII столетии не требовал, чтобы мужчина или женщина были знатного рода; скорее он внешне означал манеры, платье и речь, а внутренне — чувство чести и долга... По канонам благовоспитанных манер Конвент проходил с соблюдением приличий, с тех пор не встречавшихся в этих Соединенных Штатах, и Творцы, при несовпадении мнений, блюли по отношению друг к другу старые традиции вежливости. Сдержанная речь привела к сдержанному соглашению и долговечности продукта Конвента.

...Да, джентльмен должен быть человеком воспитанным; также он должен быть человеком чести, который не станет лгать или жульничать; человеком бесстрашным, который не бежит от врагов; человеком долга, который будет служить сообществу как магистрат или член собрания; человеком милосердным в духовном и материальном смысле. Несомненно, некоторые из Основателей были теми, кого Фуллер называл деградированными джентльменами — эгоистичными и хитрыми оппортунистами; но большинство жили, насколько могли, по джентльменским правилам, а некоторые из них до конца своей жизни исполняли джентльменские обязанности относительно манер, чести, бесстрашия, долга и милосердия.

В. Речь Полумны

Дамы, добрый вечер.

Многие считают, что политики всегда говорят неправду. Я буду с вами честна — ваше приглашение меня застигло врасплох, и я поддалась минутной слабости отказаться, сославшись на занятость или болезнь, или сделать вид, что почтовый сервер барахлил или мой избирательный штаб в суматохе пропустил приглашение. Но я хорошо отдаю себе отчет в том, что в пятницу у всех вас дел, наверное, не меньше, чем обычно. Даже больше, потому что впереди выходные дни. И для меня честь провести этот вечер с вами и вашими

**Второй тур заключительного этапа
Всероссийской олимпиады школьников по обществознанию 2026 г.
9–11 КЛАСС**

детьми. Очень ценю то, что вы уделили мне свое драгоценное время. Надеюсь, что малыши, которых вы взяли с собой, в день выборов с утра вас разбудят напоминаниями о гражданском долге. Это важно. Важно для Белогорья сегодня. Важно для Белогорья завтра. Важно всегда.

Мы живем в мире, в котором много недостатков, требующих исправления. И в нашей стране их тоже хватает.

Нас не может не беспокоить жестокое обращение с животными в соседних странах. Глобальное потепление и деградация окружающей среды ставят под угрозу целые виды, например, пингвинов в Гренландии. Да, именно так, пингвинов, и именно в Гренландии, потому что они – одна из многочисленных лакмусовых бумажек прискорбного состояния океанов. Положение женщин и девочек в Истернстане вызывает отвращение у любого человека, у которого есть сердце. Односторонние тарифы американского президента Козыря против стран Европы, хотя мы более и не являемся членом ЕС, возмутительны. Не менее возмутительны его притязания на Гренландию. Бедные пингвины, бедные гренландцы... Эти и многие другие глобальные угрозы и вызовы требуют нашего незамедлительного вмешательства.

Но и дома нас многое беспокоит. Требуется обратить внимание на качество образования и здравоохранения, на досуг несовершеннолетних, включая доступ к социальным сетям. Выходцы из бывших заморских колоний Туманного Белогорья отказываются адаптироваться к правилам поведения на улицах в нашем (и не только нашем) округе. Хотя это не самая приоритетная проблема, но бесчинства бродячих котов, разоряющих гнезда певчих птиц в округе, где мы живем, тоже не способствуют сохранению качества жизни, которым мы все дорожим. Правда, здесь надо расставлять приоритеты, и коты с птицами — это не проблема №1.

Поскольку многие из вас пришли с детьми, именно о них я и хочу с вами поговорить.

Когда наши бабушки и дедушки были детьми, правительство не помышляло вмешиваться во что-либо, что им нравилось делать, если только это не было очевидным преступлением. Разбитые коленки, синяки и царапины не были предметом полицейских расследований. В те времена посещение церкви было признаком респектабельности, и дети с искренностью пели церковные гимны и смотрели ввысь, в небеса. Детей должно было быть видно, но не слышно; у них не было своего маленького самолюбия и сомнений; надраные уши и отшлепанные задницы были призваны хотя бы немного подготовить их к ударам и стрелам взрослой жизни, которая наказывает куда как сильнее.

**Второй тур заключительного этапа
Всероссийской олимпиады школьников по обществознанию 2026 г.
9–11 КЛАСС**

В XX в. некоторые диктаторы, используя государство всеобщего благосостояния, стремились придать своим народам более привлекательные физические формы. Сложно отрицать, что и в нашей стране младенцы стали лучше, а продолжительность жизни — выше, хотя все это могло сделаться возможным благодаря и другим факторам, а не только благодаря нашему неутомимому правительству. Но при этом почти повсеместно встречается убежденность, что мы переживаем упадок — или, возможно, лишь изменение характера, манер и морали. И эта убежденность, и вторая догадка являются реакцией на постоянно возникающие симптомы общественного нездоровья. Вот теперь правительство серьезно намерено ограничить доступ детей и молодежи в интернет, потому что социальные сети, ИИ и прочие информационные технологии делают их, как многие считают, глупее, агрессивнее, неприспособленнее к жизни вне социальных сетей. И это не единственная тревога, которую мы испытываем, и на которую правительство намеревается ответить. Ранее правительства, формируемые разными партиями, озаботились языком, на котором мы общаемся в социальных сетях, и законы, принятые в стремлении искоренить оскорбления по основаниям, которые каждое новое правительство считало наиболее важными, превратились не в средства против пошлости и несправедливости, а в длинный перечень ограничений против всех нас. И если бы они были эффективными, то мы бы все уже разговаривали как истинные аристократы-выпускники лучших университетов. Как бы ни так!

Но вернемся к главному вопросу. За два-три поколения положение и статус ребенка в обществе трансформировались. Когда ребенок находился в зоне ответственности своих родителей, а позже сам принимал на себя ответственность за пожилых родителей, каждая семья была более или менее самодостаточной, она мало получала из государственной казны и, как правило, рассчитывала на нее еще меньше. И эта ответственность за себя и близких вырабатывалась с детства, к ответственности прибавлялось самоуважение и уважение к другим, таким же ответственным.

Степень экономической трансформации последних десятилетий не подлежит сомнению; но пока слишком рано пытаться оценивать характер психологической трансформации в душе самого ребенка.

Идеям семьи и родительской ответственности все еще придается теоретическое и эмоциональное значение, но экономическая и правовая основы этих идей больше не служат движущей причиной их существования. Современный ребенок будет знать и иногда использовать фразу «благодарю вас», но для миллионов таких детей она будет не более чем просто славой потому, что

**Второй тур заключительного этапа
Всероссийской олимпиады школьников по обществознанию 2026 г.
9–11 КЛАСС**

нет «вас», которого нужно благодарить. Непрактично благодарить совет графства, а если все-таки сделать это, совет объяснит, что на самом деле благодарить надо полдюжины ведомств, по отношению к которым он лишь послушный исполнитель. Сам ребенок еще сохраняет остатки чувства благодарности своим родителям, но без основы в виде обстоятельств, которые бы подкрепляли такие архаичные эмоции. Медицинская наука и генетика сделали многое, чтобы защитить маму и ребенка, причем еще даже до зачатия, и государство взяло на себя все возможные функции поддержки мам и новорожденных. Никто не станет отрицать ценности подобного улучшения, но и последовавшее за этим ослабление связи между матерью и ребенком также не следует упускать из виду.

Чувство признательности отцу, который обеспечивал крышей над головой, пищей и одеждой, ослабело после того, как половина собственно арендной платы стала поступать из местного налога на имущество, а пища и одежда стали более доступными. Правда, это обернулось ростом всевозможных налогов, тарифов, сборов, штрафов.

Отношение обычного ребенка к своим родителям и государству меняется, так как с каждым поколением люди все меньше полагаются на наследство и на себя, и все больше зависят от государственных ресурсов. Сейчас очень мало детей рождается с серебряной ложкой во рту; родовые дома, будь то особняки или коттеджи, которые переходили от поколения к поколению, уходят в прошлое, а с ними и регулярные семейные сборы, которые когда-то некоторыми воспринимались как повинность, но большинством — как радость. Все больше молодых людей редко, если вообще когда-нибудь, видят своих двоюродных братьев и сестер, и такие изменения, считаем ли мы их благом или злом, неизбежно ослабляют семейные узы, узы с родом, с прошлыми поколениями.

Конечно, государство нуждается в укреплении своих сил и в лекарстве от своих болезней. Много в государстве, в том числе его функции, как и наши обязанности по отношению к государству, могут меняться. Скажу больше, должны меняться. Но где пределы обязанностей, ограничений и свобод? И кто их может и должен устанавливать?

Кажется весьма вероятным, что расширение функций государства может превратить ресурсы родителя в столь пренебрежимую величину, что вынудят его признать, что он больше не может и не должен обеспечивать семью сам. Следующая стадия переноса ответственности наступает тогда, когда гражданин — ребенок или родитель — перестает заботиться о том, чтобы жить по средствам, и даже считает правильным принимать как данность то,

**Второй тур заключительного этапа
Всероссийской олимпиады школьников по обществознанию 2026 г.
9–11 КЛАСС**

что стало доступно каждому. Сравнительно богатые люди пользуются услугами бесплатной медицины, и это, возможно, самый вопиющий пример распространения идеи, что государство должно обеспечивать граждан. Каждое новое правительство, даже формируемое правящей на предыдущем цикле партии, после каждых выборов пытается перещеголять предшественника, беря новые обязательства, за которыми новые функции. Как и новые расходы, вызывающие рост дефицитов. Если же побеждает оппозиция, то новое правительство сначала проклинает предыдущее, обещает все начать сначала, исправить все возможные ошибки, взять все новые обязательства, присвоив все новые функции. И первые и вторые думают о себе на следующих выборах, а не о том, что они представляют белогорцев прошлого, настоящего и будущего. Разрушение семьи, подрыв достоинства белогорцев сегодня вряд ли способствуют процветанию будущих поколений.

Любой обзор официальной государственной деятельности неполон, если упускает из виду кровные интересы, которые такая деятельность порождает. Наглядный тому пример — пробационная служба, которая теперь состоит из целой армии мужчин и женщин, зависимых в своих средствах к существованию от подростковой и другой преступности. С тех времен, когда ответственность за решение этих проблем возлагалась на добровольную полицию, судей и миссионеров, ситуация чрезвычайно усугубилась и продолжает усугубляться, постоянно требуя все больше чиновников. И так будет продолжаться до тех пор, пока будет сохраняться идея, что государство может заменить собой родителей или приходского священника. Лишь самый сильный из старомодных родительских инстинктов будет сопротивляться искушению оставить то, что раньше считалось обязанностью, а теперь стало не более чем факультативным, добровольным.

Нам доступны только те факты и статистика, относящиеся к этой тягостной сфере, которые предоставляются теми, кто, как бы хороши они ни были по своим личным качествам и из сколь бы чистых побуждений ни действовали, зависят в своих средствах к существованию от сохранения преступности, а в перспективах продвижения по служебной лестнице — от ее роста. Точно так же, как игрок в азартные игры рассказывает только о своих выигрышах, так и отчеты о пробации склонны подчеркивать успехи, и, хотя у меня нет ни малейшего желания бросить тень на соответствующих чиновников, для адекватного разбора проблемы следует принимать во внимание неизбежную предвзятость заинтересованных кругов.

Благополучие теперь обеспечивается государством, а необходимые дети появляются как нечто само собой разумеющееся. Благополучие становится в

**Второй тур заключительного этапа
Всероссийской олимпиады школьников по обществознанию 2026 г.
9–11 КЛАСС**

большей мере вопросом науки, законный брак и крепкая семья наследников этой страны менее важны. Няни в саду, учителя в школе, врачи не сталкиваются с сопротивлением со стороны родителей и могут беспрепятственно следовать последней моде в диетологии или психологии. Ребенок, сам того не ведая, и бюрократ вместе работают ради какого-то абстрактного совершенства, выдуманного в каком-то министерстве, на каком-то факультете, на каком-то симпозиуме самопровозглашенными знатоками всего — счастья, истории, психологии, любви.

Исходя из сказанного, при избрании буду делать все возможное для того, чтобы немедленно, без долгих ненужных обсуждений — ведь и так все всем понятно — отменить решения, которые нанесли вред белогорцам. Нам надо разобрать эту нелепую конструкцию из большого и громоздкого государства, этого ужасного Левиафана, укравшего наши свободы. Вместе с единомышленниками мы немедленно снизим налоговое бремя (с перспективой отмены ряда налогов, например, подоходного или на прибыль), но обязательно — это даже не обсуждается — сохраним текущие льготы, но только для многодетных семей.

К растущей армии тех, кто зарабатывает себе на жизнь с помощью чужих детей, прибавился еще и психиатр. Кстати, он представляет проблему для сторонника свободы, потому что всего за одно десятилетие он закрепился в жизни, как предполагается, управляющих собой людей, с которыми никогда даже не советуются и не приглашают к обсуждению манипуляций, которые психиатр собирается с ними проводить. Теперь он занимает господствующее положение в школах, больницах, судах, на биржах труда, в армии... В его отчетах очерчены многие события из нашей жизни, хотя само его существование представляет угрозу для свободы мысли и духа. Нам не доставляет удовольствия задумываться о том, что очень многие из наших детей и работников, испытывающих «выгорание», уже внесены в досье и классифицированы по принципам, которые были разработаны и используются в странах, где свобода считается преступлением против общества. Мирового судью, священника, школьного учителя, а равно и родителей побуждают пренебречь своими обязанностями с той же легкостью, с которой последние могут передавать их тем, кто претендует на способность исправлять души.

Современное общественное мнение почти без всякого возражения принимает полный спектр идей, с которыми никогда бы не согласились те, кто строил эту страну и защищал ее. Оно платит за поддержание огромного аппарата, призванного проводить эти идеи в жизнь. За лечением в предродовый

**Второй тур заключительного этапа
Всероссийской олимпиады школьников по обществознанию 2026 г.
9–11 КЛАСС**

период следуют пособие по беременности и родам и детские пособия; муниципальные дошкольные учреждения заполняют промежуток до пяти лет, когда ребенку нужно идти в школу и получать все многообразные виды услуг, предназначенных для его блага; в течение последующих десяти лет влияние родителей — это нечто добровольное, вспомогательное по отношению ко всем тем принудительным влияниям, которым должен подвергаться ребенок. И дальше государство будет опекать, навязывать, требовать.

Ничего государство не может и не должно навязывать! Вообще ничего! Мы здесь и сейчас власть. Мы и только мы. Ни уходящее правительство, ни бюрократы, ни социальные работники. Мы и только мы.

А вот теперь на повестке сложный вопрос о доступе детей и молодежи в интернет. Глупо отрицать, что интернет и социальные сети много изменили. Вопрос в том, как нам на эти изменения реагировать.

Да, мы должны реагировать на эти беспрецедентные изменения, на этот вызов, исходя из того, что происходит сейчас, исходя из актуальных угроз со стороны внутренних и внешних врагов. Это вопрос, который надлежит рассматривать отдельно от всего, что было сказано выше. Свобода слова к ограничениям на доступ в интернет отношения не имеют. Это вопрос национальной безопасности! У родителей и так много дел, чтобы еще заботиться о том, что делают их дети в социальных сетях, на всевозможных ресурсах. Пусть этим займутся соответствующие государственные службы, отстав от семей по более важным вопросам. Должно же иногда государство не осложнять жизнь, а наоборот!

Два заключительных соображения. Честно признаюсь, что все сказанное мною здесь есть не более чем предвзятая односторонняя аргументация, и это не следует понимать как полное осуждение всего, что сейчас делается во имя благополучия ребенка.

Во-первых, благополучие детей в нашей стране не может рассматриваться в отрыве от того, что происходит в мире. Не может быть благополучия, если в мире много страданий. Нас должно волновать положение детей в других странах, нас должно волновать состояние окружающей среды и здесь, и за рубежом.

Во-вторых, все сказанное служит напоминанием о том, что в данном вопросе государство никогда не было чем-то большим, чем простой заменой более совершенной силы. То, что это приходится делать государству, должно восприниматься как позорное пятно на гражданах, а ни в коей мере не как прогресс или преимущество. Целенаправленные ограничения вряд ли возродят дух естественной аристократии в наших гражданах.

**Второй тур заключительного этапа
Всероссийской олимпиады школьников по обществознанию 2026 г.
9–11 КЛАСС**

С трибун нам продолжают вещать о ценности семьи, правда, вещающие под семьей понимают не всегда то, что под семьей понималось в Белогорье до недавних пор, и, если эта точка зрения искренна, мы должны прекратить вести дела таким образом, чтобы семья превратилась в своего рода сентиментальное приложение к плановому существованию, да еще и когда плана жизни на период после следующих выборов нет.